

Культура. — 2003. —
6-12 марта. — с. 9

ЕДИНСТВО ЧЕТЫРЕХ

/ Фестиваль Софии Губайдулиной

С. Губайдулина

Вверху: Дж. Гаспарян. Внизу: В. Суслин

Суслин — до мозга костей пифагореец; над ним довлеют его конструктивные идеи, а скупая красота звучания музыки Суслина всегда остается для слушателя загадкой. Таковы были идеалы композиторского творчества, например, в европейском Средневековье: и не потому ли отчасти в посвященном В. Суслину "На краю пропасти" Губайдулина выводит в качестве главной действующей силы сочинения мотив средневековой секвенции "Dies irae" — "День гнева"? Седая архаика мелодии, употреблявшейся композиторами XIX века от Берлиоза до Рахманинова, отражается у Губайдулиной в жестких, экспрессивных звуковых сочетаниях хора виолончелей, но за пределами этого страшного, слишком человеческого мира лежит нечто иное — ангельское пение аквафонов, оживающих в руках двух композиторов. Под неуклюжим и примитивным, будто скопированным со средневековых гравюр смычком, поют металлические стержни, опущенные в воду: словно звучит голос самой стихии, давшей жизнь человечеству. Что и говорить, гамма поющей воды куда полновочувственней наших привычных ладов, и все ее составляющие звучат одновременно, не порождая ощущения хаоса: как раз наоборот... В этом стихийном во всех смыслах противопоставлении — вся Губайдулина, творчество которой немислимо без подобных резких, казущихся неснимаемыми контрастов.

Впрочем, еще в первый день фестиваля (возможно, по некой авангардистской логике) эти контрастные звуковые миры попытались вступить между собой в диалог (или — полилог?). Во всяком случае, большинству слушателей процесс поиска общего языка, совершающийся в их присутствии, был едва ли не более интересен, чем результат. Ведь за границей нашего, европейского мира уже тысячелетия существуют целые миры, не ведающие о Бахе и его идеале "хорошо темперированного клавира". Возможность услышать звуки этих далеких еще пока от нас миров — вот было то главное, что дал слушателю фестиваль. Притом с полярных "точек слуха" — и нотные тексты Губайдулиной и Суслина были только одной из них. На концерте в Музее музыкальной культуры им. Глинки впервые в Москве после более чем четвертьвекового перерыва встретились участники авангардной груп-

пы "Астрея" (кроме Губайдулиной и Суслина, в нее входил еще В. Артемов). Сама идея композиции, как мы ее понимаем, — композитор сидит за столом и пишет, а спустя некоторое время на сцену выходит исполнитель и играет публике готовое сочинение, была отброшена ее участниками. Это была совместная импровизация на инструментах, на которых композиторы даже не должны были уметь играть профессионально (так, фортепиано исключалось автоматически). Музыка создавалась спонтанно, в процессе отыскания приемов игры на незнакомых инструментах — большей частью неевропейского происхождения — и, соответственно, в нахождении принципиально нового языка "беседы". На сцене концертного зала музея, щедро поделившегося с музыкантами инструментами из своей коллекции, к двум композиторам, однако, присоединились и профессионалы экстра-класса: исполнитель на армянском дудуке Дживан Гаспарян, Владимир Тонха со своей виолончелью, а также сын Виктора Суслина — Александр со своим контрабасом и органистка Юлия Михайлова. Это был уже разговор разных культур: низкие струнные олицетворяли нашу, привычную европейскую музыку, русские композиторы, импровизирующие на японских кото, армянском сазе, океанийском "роге Тритона", неизвестном клавишном инструменте индийского происхождения (отысканном на родине Моцарта — в Зальцбурге), символизировали "переход границы"; а реоциция над этой разноголосицей протяжный звук дудука Гаспаряна — звуковой мир другой профессиональной культуры, в этом окружении становящийся ближе и понятнее. Ощущения непримиримого противоречия Востока и Запада (или — человека и стихии, полутона и четвертьтона, как в "Quatetion" и "На краю пропасти"), не возникало и возникнуть, по сути, не могло. Это были действительно какая-то гармония, новый строй и новое согласие...

Быть может, наша музыка стоит не на краю пропасти, а все-таки на пороге нового мира? Во всяком случае, каждый раз, когда София Губайдулина в Москве, возникает подобная надежда.

Федор СОФРОНОВ
Фото автора

Quatetion, буквально "четвероединство", — это не только название фестиваля, подарившего нам встречу со старыми и новыми сочинениями Софии Губайдулиной (в том числе и с сочинением для четырех виолончелей, так озаглавленным). Это, конечно, и длительность — четыре дня, которые шел этот небольшой фестиваль, и четырехзвучное сочетание личностных и музыкальных "тембров" участников, привлекавших к себе основное слушательское внимание (композиторы София Губайдулина и Виктор Суслин, виолончелист и главный организатор фестиваля

Владимир Тонха, специальный гость из Армении Дживан Гаспарян). Но в звуковой палитре фестиваля были еще растворены тоны призрачной высоты, придавшие ему уникальное звучание.

Казалось бы, четыре струны виолончели — это стройное четвероединство согласованных между собой гармонических колебаний... Под умелыми пальцами музыканта струны переливаются мажорными и минорными гаммами, хроматическими полутонами, но вот легчайший, почти без скрипа, поворот колка на грифе — и, кажется, строй этот нарушит-

ся, гармония исчезнет, и мы очутимся на краю пропасти, где клубится темный, первобытный хаос. Однако происходит чудо — тон распускается трепетным экзотическим цветком о четырех лепестках. Не всякому дано оценить его красоту — да и ожить она способна лишь в руках большого мастера. Музыка, где используются интервалы в четверть тона и менее ("Quatetion" в их числе), для нас с вами является все еще туманным будущим. Может быть, поэтому наиболее запомнившиеся сочинения фестивальной программы были повторены дважды — это мировая пре-

ьера сочинения "На краю пропасти" С. Губайдулиной для семи виолончелей и двух аквафонов и "Топ Н" В. Суслина (обыгравшего фамилию исполнителя — Владимира Тонха — в названии своего опуса для виолончели и фортепиано). Ощущения, порождаемые этой музыкой, были очень разными — сами композиторы, несмотря на связывающую их духовную близость, пишут очень поразному. София Губайдулина даже в самых сложных и рациональных композициях ищет опоры в мире сильных, подчиняющих себе конструктивное начало эмоций; Виктор